

А. И. ОСИПОВ

ИЩУЩЕМУ СПАСЕНИЯ
СОВЕТЫ И ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ

Алексей Ильич Осипов

А. И. Осипов. Ищущему спасения: советы и предостережения

Аннотация

В связи с переизданием в настоящее время все большего числа творений святых отцов возникает настоятельная необходимость иметь верные ориентиры в их понимании, особенно в понимании основ духовной жизни, открытых вселенским святоотеческим опытом, без знания которых духовная жизнь, в лучшем случае, может оказаться бесплодной, а большей частью приводит христианина, тем более подвизающегося, к прелести, гибели.

*Предлагаемая работа касается именно этого важного вопроса. Раскрытие его дается на основе творений **святителя Игнатия Брянчанинова** (1807-1867), кратко и точно изложившего святоотеческое аскетическое учение Церкви, взяв из него все самое ценное и необходимое для нашего времени.*

А. И. Осипов

Ищущему спасения: советы и предостережения

В связи с переизданием в настоящее время все большего числа творений святых отцов возникает настоятельная необходимость иметь верные ориентиры в их понимании, особенно в понимании основ духовной жизни, открытых вселенским святоотеческим опытом, без знания которых духовная жизнь, в лучшем случае, может оказаться бесплодной, а большей частью приводит христианина, тем более подвизающегося, к прелести, гибели.

*Предлагаемая работа касается именно этого важного вопроса. Раскрытие его дается на основе творений **святителя Игнатия Брянчанинова** (1807-1867), кратко и точно изложившего святоотеческое аскетическое учение Церкви, взяв из него все самое ценное и необходимое для нашего времени.*

«Обыкновенно люди считают мысль чем-то маловажным, потому они очень мало разборчивы при принятии мысли. Но от принятых правильных мыслей рождается все доброе, от принятых ложных мыслей рождается все злое. Мысль подобна рулю корабельному; от небольшого руля, от этой ничтожной доски, влачащейся за кораблем, зависит

направление и, по большей части, участь всей огромной машины» , — так писал епископ Игнатий, подчеркивая то серьезное значение, какое имеют наши мысли, взгляды и теоретические знания в целом для духовной жизни, то есть для исцеления, преображения и возрождения души Духом Святым. Духовная жизнь, как известно, включает в себя не только правильную догматическую веру и евангельскую нравственность, но и то, что наиболее характеризует ее именно как духовную, — знание и неукоснительное соблюдение особых законов, определяющих развитие нового человека (*Еф. 4, 24*). Иначе говоря, правильное теоретическое понимание духовной жизни во многом предопределяет процесс перерождения страстного, плотского, ветхого человека (*Еф. 4, 22*) в нового.

Однако само теоретическое понимание вопроса оказывается не столь простым, как может показаться на первый взгляд. Многообразие так называемых духовных путей, которые предлагают сейчас нашим соотечественникам в целях их «спасения» непрошеные «просветители» со всех сторон света, в том числе и христианские разных конфессий, является одной из иллюстраций сложности данной проблемы. В связи с этим встает вопрос исключительной важности: чем характеризуется истинная духовность? И хотя об этом, как нам кажется, достаточно говорит двухтысячелетний опыт Церкви — в лице своих святых, однако в действительности восприятие его современным человеком, выросшим в условиях бездуховной цивилизации, встречает немалые трудности. Они заключаются в следующем.

Наставления о духовной жизни святыми отцами Православной Церкви всегда давались **в соответствии с уровнем тех, кому они предназначались** . «Просто так», «для науки» отцы не писали. Поэтому многие их советы, обращенные к подвижникам высокой созерцательной жизни или даже к тем, которые в древности именовались новоначальными, неприемлемы в полном объеме для современного христианина, духовного младенца, так как могут оказаться непосильными для него, преждевременными и потому крайне вредными. С другой стороны, само разнообразие и неоднозначность этих советов способны ввести в заблуждение и совершенно дезориентировать человека неопытного. Избежать этих опасностей при изучении духовного наследия святых отцов, не зная хотя бы наиболее важных принципов духовной жизни, очень трудно. Но в то же время и без святоотеческого руководства немислима правильная духовная жизнь. В свете этого — казалось бы, неразрешимого — противоречия и выявляется вся значимость духовного наследия тех отцов, преимущественно ближайших к нам по времени, которые «переложили» предшествующий святоотеческий опыт духовной жизни на язык, доступный современному человеку, малознакомому с этой жизнью и не имеющему, как правило, должного руководителя.

Среди таких святых выделяется святитель Игнатий, подвижник веры, глубоко духовный писатель. Особая ценность его творений заключается в том, что они, являясь плодом не только самого тщательного теоретического изучения отеческого опыта, но и личного его осуществления, дают ищущему спасения современному христианину безукоризненно верный «ключ» к

пониманию всего святоотеческого наследия.

Что конкретно находим мы в творениях святителя Игнатия? Во-первых, глубоко духовное объяснение важнейшего понятия христианской религии — веры во Христа. Он пишет: **«Начало обращения ко Христу заключается в познании своей греховности, своего падения; от такого взгляда на себя человек признает нужду в Исккупителе и приступает ко Христу посредством смирения, веры и покаяния».** **«Не сознающий своей греховности, своего падения, своей гибели не может принять Христа, не может уверовать во Христа, не может быть христианином. К чему Христос тому, кто сам и разумен, и добродетелен, кто удовлетворен собой, кто признает себя достойным всех наград земных и небесных?»** Хочется обратить внимание на несоответствие приведенных слов общепринятому богословскому тезису о вере как начальном условии принятия Христа. Святитель как бы подчеркивает: не в рассудочной вере в то, что Христос пришел, пострадал и воскрес, **«начало обращения ко Христу»**, а, напротив, сама вера рождается из познания **«своей греховности, своего падения»**, ибо **«не сознающий своей греховности... не может уверовать во Христа»**.

В этом утверждении содержится первое и самое важное положение духовной жизни, в православном понимании верующим может стать и является лишь тот человек, который видит свое духовное и нравственное несовершенство, свою греховность, страдает от нее и ищет спасения. Только смирившийся внутри себя человек способен к правильной, то есть спасающей, вере во Христа. (Отсюда, кстати, становятся очевидными как вся нелепость чисто рассудочной и обрядовой, законнической веры, растящей в человеке самодовольство и гордыню, так и подлинное достоинство истинного смирения). Мысль святителя Игнатия совершенно ясна; видящий себя разумным и добродетельным не может еще быть христианином и не является им, хотя бы и считал себя таковым. В качестве аргумента Святитель приводит историю земной жизни Господа Иисуса, когда Христос был принят со слезами раскаяния простыми, осознающими свои грехи, евреями и с ненавистью был осужден на жуткую казнь «умной», «добродетельной», респектабельной иудейской элитой.

Мысль святителя Игнатия постоянно обращается к словам Евангелия:

«Не здоровые имеют нужду во враче, но больные»

(*Мф. 9, 12*). То есть на путь исцеления и спасения становятся лишь те, которые способны увидеть болезнь своей души, ее неизлечимость собственными силами. Из этого состояния смирения они обращаются к пострадавшему за них истинному Врачу — Христу. Вне этого состояния, именуемого у отцов также познанием себя, невозможна нормальная духовная жизнь. **«На познании и сознании немощи зиждется все здание спасения»**, — пишет епископ Игнатий. Он неоднократно приводит замечательные слова преподобного Петра Дамаскина: **«Начало просвещения души и признак ее здоровья заключаются в том, когда ум начнет зреть свои согрешения, множеством своим подобные морскому песку»**. Потому Святитель вновь и вновь повторяет: **«Смирение и рождающееся из него покаяние — единственное условие, при котором приемлется Христос! Смирение и**

покаяние — единственная цена, которой покупается познание Христа! Смирение и покаяние — единственное нравственное состояние, из которого можно приступить ко Христу, усвоиться Ему! Смирение и покаяние — единственная жертва, которой взыскует и которую приемлет Бог от падшего человечества (Ис. 50, 18-19). Зараженных гордостным, ошибочным мнением о себе, признающих покаяние излишним для себя, исключаящих себя из числа грешников отвергает Господь. Они не могут быть христианами» .

Каким же образом приобретается человеком это спасительное познание себя, своего **ветхого** человека, открывающее ему всю бесконечную значимость Жертвы Христовой? Послушаем епископа Игнатия: **«Я не вижу греха моего, потому что еще работаю греху. Не может увидеть греха своего наслаждающийся грехом, позволяющий себе вкушение его — хотя бы одними помышлениями и сочувствием сердца. Тот только может увидеть грех свой, кто решительным произволением отрекся от всякой дружбы с грехом, кто встал на доброй страже во вратах дома своего с обнаженным мечом — глаголом Божиим, кто отражает, посекает этим мечом грех, в каком бы виде он ни приближался к нему. Кто совершает великое дело — установит вражду с грехом, насильно отторгнув от него ум, сердце и тело, тому дарует Бог великий дар: зрение греха своего»** . В другом месте он дает такой практический совет: **«Кто отказался от осуждения ближних, помысел того, естественно, начинает видеть грехи и немощи свои, которых не видел в то время, как занимался осуждением ближних»** .

Кратко основную свою мысль святитель Игнатий выражает следующими словами преподобного Симеона Нового Богослова: **«Тщательное исполнение заповедей Христовых научает человека его немощи»** , то есть открывает, показывает ему подлинную печальную картину того, что находится и что происходит в его душе.

По существу вопрос о том, как приобретается видение своего греха, или познание себя, своего **ветхого** человека, является центральным в духовной жизни. Святитель Игнатий прекрасно показал его логику: только видящий себя погибающим нуждается в Спасителе; «здоровым» Христос не нужен. Поэтому для хотящего верить во Христа право — и бесы веруют и трепещут (Иак. 2, 19), — стремящегося к спасению, иначе — для желающего вести правильную духовную жизнь, это видение является основной задачей подвига и одновременно главным критерием его истинности. Напротив, подвиг, не приводящий к такому результату, является лжеподвигом, а духовная жизнь без него — лжедуховной. Апостол Павел именно эту мысль высказывает, обращаясь к Тимофею:

«Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться»

(2 Тим. 2, 5). Преподобный Исаак Сирин говорит об этом еще более определенно: **«Воздаяние бывает... не добродетели и не труду ради нее, но рождающемуся от них смирению. Если же оно будет утрачено, то первые будут напрасны»** .

Последнее высказывание открывает собой еще один важный аспект в понимании духовной жизни и ее законов; не добродетели сами по себе и не труды приносят человеку благо Царствия Божия, которое внутри нас есть (Лк. 17, 22), но проистекающее из них смирение. Если не приобретается смирение, бесплодны и бессмысленны все труды и добродетели. В то же время только подвиг исполнения заповедей Христовых научает человека смирению, или, по слову преподобного Симеона, его немощи, через познание которой и открываются человеку врата рая, Так выясняется одна из сложных проблем в богословии: о соотношении веры и так называемых добрых дел.

Святитель Игнатий уделяет большое внимание этому вопросу. Он рассматривает его в двух аспектах: во-первых, в плане понимания необходимости Жертвы Христовой и, во-вторых, в отношении к христианскому совершенству. Выводы его, выражающие само существо святоотеческого опыта, в то же время очень необычны для многих, незнакомых с писаниями отцов. Он пишет: **«Когда бы добрые дела по чувствам сердечным доставляли спасение, то пришествие Христово было бы излишним».** **«Дела мнимо добрые, по влечению падшего естества, растят в человеке его «я», уничтожают веру во Христа, враждебны Богу».** **«Несчастлив тот, кто удовлетворен собственной человеческой правдой: ему не нужен Христос».** **«Таково свойство всех телесных подвигов и добрых видимых дел. Если мы, совершая их, думаем приносить Богу жертву, а не уплачивать наш необъятный долг, то добрые дела и подвиги соделываются в нас родителями душепагубной гордости».** . Епископ Игнатий даже так пишет: **«Делатель правды человеческой исполнен самомнения, высокоумия, самообольщения... ненавистью и мщением платит тем, которые осмелились бы отворить уста для самого основательного и благонамеренного противоречия его правде; признает себя достойным и предостойным наград, земных и небесных».** . Отсюда и естественный призыв: **«Не ищи совершенства христианского в добродетелях человеческих: тут нет его; оно таинственно хранится в Кресте Христовом».** . Таким образом, правда и добродетели ветхого и нового человека оказываются не взаимодополняющими друг друга, а взаимоисключающими, ибо первые превозносят человека в своих глазах, ослепляют его и тем «отнимают» у него Христа, вторые, напротив, открывают человеку его падшую природу, смиряют его и приводят ко Христу.

Иными словами, добродетели и подвиги могут быть крайне вредными, если они не основываются на познании своего греха и, в свою очередь, не приводят к более глубокому его видению. **«Надо, — наставляет святитель Игнатий, — сперва усмотреть грех свой, потом омыть его покаянием и стяжать чистоту сердца, без которой невозможно совершить ни одной добродетели чисто, вполне».** . Как пример Святитель приводит оценку подвижниками своих подвигов и добродетелей. **«Подвижник, — пишет он, — только что начнет исполнять их, как и увидит, что исполняет их весьма недостаточно, нечисто... Усиленная деятельность по Евангелию яснее и яснее открывает ему недостаточность его добрых дел, множество его**

уклонений и побуждений, несчастное состояние его падшего естества... Исполнение им заповедей он признает искажением и осквернением их». «Поэтому святые, — продолжает он, — омывали свои добродетели, как бы грехи, потоками слез» .

Обратимся еще к одному важному принципу духовной жизни, раскрытому в творениях святителя Игнатия. Он состоит в том, что действия, как страстей, так и добродетелей находятся в закономерном взаимовлиянии и строгой последовательности, нарушение которых может привести к самым тяжелым последствиям для подвижника. Все это обусловлено, скажем словами Святителя, «сродством между собой как добродетелей, так и пороков». «По причине этого сродства, — пишет он, — произвольное подчинение одному благому помыслу влечет за собой естественное подчинение другому благому помыслу; стяжание одной добродетели вводит в душу другую добродетель, сродную и неразлучную с первой. Напротив того, произвольное подчинение одному греховному помыслу влечет невольное подчинение другому; стяжание одной греховной страсти влечет в душу другую страсть, ей сродную; произвольное совершение одного греха влечет к невольному впадению в другой грех, рождаемый первым. Злоба, по изречениям отцов, не терпит пребывать беспутной в сердце» . Серьезное предупреждение! Как часто христиане, не зная этого закона, небрежно относятся к так называемым «мелким» грехам, произвольно, то есть без насилия страсти, согрешая в них. А потом в недоумении, со страданием и отчаянием, уже как рабы, невольно впадают в тяжкие согрешения.

О том, насколько необходимо в духовной жизни строгое соблюдение закона последовательности, свидетельствуют приводимые святителем Игнатием следующие слова опытейшего наставника в духовной жизни преподобного Исаака Сирина: «Премудрый Господь благословил, чтобы мы снедали в поте лица хлеб духовный. Установил Он это не от злобы, но чтобы не произошло несварения, и мы не умерли. Каждая добродетель есть мать следующей за ней. Если оставишь мать, рождающую добродетели, и устремись к взысканию дочерей, прежде стяжания матери, то добродетели эти соделываются ехиднами для души. Если не отвергнешь их от себя, скоро умрешь» . Святитель Игнатий в связи с этим строго предупреждает: «Опасно преждевременное бесстрастие! Опасно преждевременное получение наслаждения Божественной благодатью! Дары сверхъестественные могут погубить подвижника, не наученного немощи своей» . Удивительные слова! Для духовно неопытного сама мысль о том, что какая-то добродетель может оказаться преждевременной, тем более смертельной для души, ехидной, покажется просто странной, даже кощунственной. Но именно такова реальность духовной жизни, таков один из ее строгих законов, открытый великим опытом святых. В пятом томе своих сочинений, который Святитель назвал «Приношение современному монашеству» , в главе десятой, «Об осторожности при чтении отеческих книг о монашеской жизни» , он прямо пишет: «Падший ангел старается обмануть и вовлечь в погибель иноков, предлагая им не только грех в разных видах

его, но и предлагая несвойственные им, возвышеннейшие добродетели» .

Указанные мысли имеют прямое отношение к пониманию важнейшего в христианском делании. Епископ Игнатий, согласно со всеми святыми, называя молитву матерью и главой всех добродетелей, настоятельно подчеркивает те условия, при которых она является таковой. Напротив, без соблюдения этих условий молитва или оказывается бесплодной, или становится средством глубочайшего падения подвижащегося. Святитель Игнатий приводит, например, слова очень почитаемого им русского подвижника священноинока Дорофея: **«Кто молится устами, а о душе небрежет и сердца не хранит, тот молится воздуху, а не Богу, и все трудится, потому что Бог внимает уму и усердию, а не многоречию»** . При этом Святитель особое внимание уделяет молитве Иисусовой. В силу большого значения этой молитвы для каждого христианина сделаем краткую выписку из его замечательной статьи *«О молитве Иисусовой. Беседа старца с учеником»* .

«В упражнении молитвой Иисусовой есть свое начало, своя постепенность, свой конец бесконечный. Необходимо начинать упражнение с начала, а не с середины и не с конца... Начинают с середины те новоначальные, которые, прочитав наставление... данное отцами безмолвникам... необдуманно принимают это наставление в руководство своей деятельности. Начинают с середины и те, которые без всякого предварительного приготовления усиливаются взойти умом в сердечный храм и оттуда воссылать молитву. С конца начинают те, которые ищут немедленно раскрыть в себе благодатную сладость молитвы и прочие благодатные действия ее.

Должно начинать с начала, то есть совершать молитву со вниманием и благоговением, с целью покаяния, заботясь единственно о том, чтобы эти три качества постоянно соприсутствовали молитве... Особенное попечение, попечение самое тщательное, должно быть принято о благоустройении нравственности сообразно учению Евангелия... Единственно на нравственности, приведенной в благоустройство евангельскими заповедями... может быть воздвигнут... невещественный храм богоугодной молитвы. Тщетен труд зиждущего на песце: на нравственности легкой, колеблющейся» .

Из этой цитаты видно, насколько внимательным и благоговейно осторожным должно быть отношение к упражнению в молитве Иисусовой, Она должна совершаться не как-нибудь, а **правильно** . В противном случае упражнение в ней не только перестает быть молитвой, но и может погубить христианина. Ибо не сама по себе молитва или какой иной подвиг делает жизнь верующего духовно законной (2 Тим. 2, 5), но верный при этом настрой души. В одном из писем святитель Игнатий говорит, каким этот настрой должен быть: **«Сегодня я прочитал то изречение Великого Сисоя, которое мне всегда особенно нравилось, всегда было мне особенно по сердцу. Некоторый иннок сказал ему: «Я нахожусь в непрестанном памятовании Бога». Преподобный Сисой отвечал ему: «Это не велико; велико будет то, когда ты сочтешь себя хуже всей твари». Высокое занятие — непрестанное**

памятование Бога! Но это высота очень опасная, когда лестница к ней не основана на прочном камне смирения» .

Это серьезное предупреждение указывает еще на один чрезвычайно ответственный момент в духовной жизни, на страшную опасность, грозящую подвижнику неопытному и не имеющему ни истинного наставника, ни правильных теоретических духовных знаний («мыслей», по святителю Игнатию), — на возможность впадения в мечтательность, или так называемую «прелесть». Последний термин, часто употребляемый отцами, замечателен тем, что точно вскрывает само существо этого явления: лезть себе, самообман, мнение о своем достоинстве и совершенстве, гордость. Святитель Игнатий предупреждает: **«Мнящий о себе, что он бесстрастен, никогда не очистится от страстей; мнящий о себе, что он исполнен благодати, никогда не получит благодати; мнящий о себе, что он свят, никогда не достигнет святости. Просто сказать: приписывающий себе духовные делания, добродетели, достоинства, благодатные дары, льстящий себе и потешающий себя мнением заграждает этим мнением вход в себя и духовным деланиям, и христианским добродетелям, и Божественной благодати, — открывает широко вход греховной заразе и демонам. Уже нет никакой способности к духовному преуспеянию у зараженных мнением» .** Приводя слова преподобного Григория Синаита и называя главный источник этой смертельной болезни: **«Вообще одна причина прелести — гордость...» .** Святитель предлагает и противоядие: **«Как гордость есть вообще причина прелести, так смирение... служит верным предостережением и предохранением от прелести... Да будет наша молитва проникнута чувством покаяния, да совокупится она с плачем, и прелесть никогда не воздействует на нас» .**

В этом чувстве покаяния и смирения отцы видели главный критерий в различении святости и прелести, Святитель Игнатий пишет: **«Все святые признавали себя недостойными Бога: этим они явили свое достоинство, состоящее в смирении. Все самообольщенные считали себя достойными Бога: этим явили объявшие их души гордость и бесовскую прелесть. Иные из них приняли бесов, представших им в виде ангелов, и последовали им... иные возбуждали свое воображение, разгорячали кровь, производили в себе движения нервные, принимали это за благодатное наслаждение и впали в самообольщение, совершенное омрачение, причислились по духу своему к духам отверженным» .**

Оказаться в этом бедственном состоянии может, к сожалению, любой верующий, если он живет «сам по себе», без духовного наставника, без руководства святоотеческими писаниями. Но если понимание отцов — задача не всегда простая, то многократно более трудной является находение истинного руководителя. И в этом отношении святитель Игнатий дает особенно ценные советы современному верующему. Он предупреждает о необходимости большой осторожности в выборе духовника и правильном к нему отношении, о непереносимости разлучения с тем, кто окажется в прелести. Наконец — и это, может быть, особенно важно для современного человека — святитель Игнатий

говорит, что в настоящее время нет наставников, видящих души людей, но есть еще, милостью Божией, старшая «преуспевшая братия», имеющая знание святых отцов и определенный духовный опыт, советами которой нужно непременно пользоваться, проверяя, однако, и их святоотеческими писаниями. Приведем несколько небольших выдержек из творений Святителя по данному вопросу.

«По учению отцов, жительство... единственно приличествующее нашему времени, есть жительство под руководством отеческих писаний с советом преуспевших современных братий; этот совет опять должно проверять по писанию отцов... Отцы, отдаленные от времен Христовых тысячелетием, повторяя совет предшественников, уже жалуются на редкость богодухновенных наставников, на появившееся множество лжеучителей и предлагают в руководство Священное Писание и отеческие писания. Отцы, близкие к нашему времени, называют богодухновенных руководителей достоянием древности и уже решительно завещают в руководство Священное Писание, проверяемый по этим Писаниям, принимаемый с величайшей осмотрительностью и осторожностью совет современных... братий» .

«Святые отцы завещают избирать наставника непрелестного... Они предостерегают от учителей неискусных, чтобы не заразиться их лжеучением» .

«Возрают: вера послушника может заменить недостаточество старца. Неправда: вера в истину спасает, вера в ложь и в бесовскую прелесть губит, по учению Апостола» (2 Фес. 2, 10-12) .

«Преподобный Пимен Великий повелел немедленно разлучаться со старцем, совместное жительство с которым оказывается душевредным: очевидно, по нарушению этим старцем нравственного предания Церкви» .

«Преподобный Иоанн Лествичник писал, что «в его время очень умалились сосуды Божественной благодати... причину этого святой видит в изменении духа в обществе человеческом, утратившем простоту и заразившемся лукавством» . Преподобный Григорий Синаит (XVI в.) «решился сказать, что в его время вовсе нет благодатных мужей, так сделались они редки... Тем более в наше время делателю молитвы необходимо наблюдать величайшую осторожность. Богодухновенных наставников нет у нас!»

Преподобный Кассиан Римлянин говорит: «Полезно открывать свои помыслы отцам, но не каким попало, а старцам духовным, имеющим рассуждение, старцам не по телесному возрасту и сединам. Многие, увлекшись наружным видом старости и высказав свои помышления, вместо врачевства получили вред от неопытности слышащих» .

«Преподобный Нил Сорский никогда не давал наставления или совета прямо от себя, но предлагал вопрошающим или учение Писания, или учение отцов. Когда же... он не находил в памяти освященного мнения о каком-либо предмете, то оставлял ответ или исполнение до того времени, как находил наставление в Писании. Этот метод очевиден из сочинений

священномученика Петра Дамаскина, преподобного Григория Синаита, святых Ксанфопулов и других отцов, особенно позднейших. Его держались иеросхимонахи Оптиной пустыни Леонид и Макарий... Никогда не давали они советов от себя... Это давало советам их силу» .

«Всякий духовный наставник должен приводить души к Нему (Христу), а не к себе... Наставник пусть, подобно великому и смиренному Крестителю, стоит в стороне, признает себя за ничто, радуется своему умалению пред учениками, которое служит признаком их духовного преуспевания... Охранитесь от пристрастия к наставникам. Многие не остереглись и впали вместе с наставниками в сеть дьявола... Пристрастие делает любимого человека кумиром: от приносимых этому кумиру жертв с гневом отвращается Бог... И теряется напрасно жизнь, погибают добрые дела. И ты, наставник, охранись от начинания греховного! Не замени для души, к тебе прибегшей, собой Бога. Последуй примеру святого Предтечи» . Таков голос Священного Предания Церкви, то есть Самого Духа Святого, говорящего нам и сегодня через Своего святого.

Еще об одной из наиболее распространенных причин впадения в самомнение и прелесть святитель Игнатий пишет так: **«Не без основания относят к состоянию самообольщения и прелести душевное настроение тех иноков, которые, отвергнув упражнение молитвой Иисусовой и вообще умное делание, удовлетворяются одним внешним молением, то есть неопустительным участием в церковных службах и неопустительным исполнением келейного правила, состоящего исключительно из псалмопения и молитвословия, устных и гласных... Они не могут избежать «мнения»... Устное и гласное моление тогда плодоносно, когда оно сопряжено с вниманием, что встречается очень редко, потому что вниманию научаемся преимущественно при упражнении молитвой Иисусовой»**. Естественно, что это замечание относится не только к инокам, но и ко всем ревностным христианам.

Однако неверно думать, что прелесть — явление, возникающее лишь на почве специфически христианской, тем более православной. В своей статье *«О прелести»* святитель Игнатий прямо пишет: **«Прелесть есть состояние всех человеков, без исключения, произведенное падением праотцов наших. Все мы в прелести. Знание этого есть величайшее предохранение от прелести. Величайшая прелесть признавать себя свободным от прелести. Все мы обмануты, все обольщены, все находимся в ложном состоянии, нуждаемся в освобождении истиной. Истина есть Господь наш Иисус Христос»**.

Поэтому приведем несколько иллюстраций прелестных состояний из разных «миров». Сначала — из нехристианского.

Будда, например, своим последователям внушает: *«Не ищите опоры ни в чем, кроме как в самих себе: сами светите себе, не опираясь ни на что, кроме как на самих себя»* . Он так говорит о себе: *«Я всезнающ, у меня нет учителя, никто не равен мне; в мире людей и богов никакое существо не похоже на меня. Я священный в этом мире, я учитель, я один — абсолютный сам — Будда, Я добился покоя и получил нирвану»* .

Знаменитый проповедник Веданты, самой популярной современной системы индуизма, свами (учитель) Вивекананда (ум. 1902) рекомендует такую духовную установку своим последователям: *«Напоминание о наших слабостях не поможет; нам нужно лечение... Вместо того, чтобы говорить людям, что они грешники, веданта учит наоборот: «Вы чисты и совершенны, и все... что вы называете грехом, — не ваше...» Никогда не говорите: «У меня нет», никогда не говорите: «Я не могу». Этого не может быть, так как вы бесконечны... Вы можете делать все, вы всемогущи»* . *«Лучший человек тот, — продолжает он, — кто осмеливается говорить: «Я знаю о себе все». Или: «Слушайте день и ночь, что вы — Душа. Повторяйте это себе день и ночь, пока эта мысль не войдет в вашу кровь, пока не будет звучать при каждом биении вашего сердца... Пусть все ваше тело наполнит эта одна мысль: «Я — не рожденная, бессмертная, блаженная, всеведущая, вечно прекрасная Душа...» Усвойте эту мысль и проникнитесь сознанием своего могущества, величия и славы»* . *«Чувствуйте, как Христос, — и вы будете Христом; чувствуйте, как Будда, — и будете Буддой»* . *«Вы — Бог, и я тоже... и я скорее буду поклоняться вам, чем какому бы то ни было храму, образу или Библии... Веданта говорит: нет Бога, кроме человека... Единственный Бог для поклонения — это человеческая душа или человеческое тело»* .

Подобных иллюстраций из индуизма можно было бы привести сколько угодно. Они не требуют комментария: гордость, человекобожие, культ «я» выявляются здесь с полной очевидностью, свидетельствуя о том, что древний обман: будете, яко бози (*Быт. 3, 5*) — остается, к сожалению, сущностью и целью жизни для многих до сего дня. Не менее яркий пример духовных уклонений являет собой и римо-католическая аскеза. Это — большая и специальная тема. Поэтому здесь ограничимся лишь краткими иллюстрациями, говорящими сами за себя.

В жизнеописании отца католической мистики и одного из самых великих святых католицизма — Франциска Ассизского (XIII в.) рассказывается, как однажды во время долгой молитвы Франциск «почувствовал себя совершенно превращенным в Иисуса», Которого он тут же и увидел в образе шестикрылого Серафима. После этого видения у Франциска появились болезненные кровоточащие раны — стигматы. О другой своей молитве Франциск так рассказывал своему ученику: *«Во время этой молитвы... передо мной явились два больших света. Один, в котором я узнал Создателя, и другой, в котором я узнал самого себя»* . Под конец своей жизни он откровенно говорил: *«Я не сознаю за собой никакого согрешения, которое не искупил бы исповедью и покаянием»* . Предсмертными словами Франциска были: *«Я исполнил то, что должен был исполнить»* .

Для сравнения приведем описание предсмертного момента из *«Жития преподобного Сисоя Великого»* (V в.): **«Окруженный в момент своей смерти братьями, в ту минуту, когда он как бы беседовал с невидимыми лицами, Сисой на вопрос братии: «Отче, скажи нам, с кем ты ведешь беседу?» — отвечал: «Это ангелы пришли взять меня, но я молю их, чтобы они оставили меня на короткое время, чтобы покаяться»**. Когда же на это

братия, зная, что Сисой совершен в добродетели, возразила ему: «Тебе нет нужды в покаянии, отче», Сисой ответил так: «Поистине я не знаю, сотворил ли я хоть начало покаяния моего».

Замечательны в своем роде откровения католической святой — блаженной Анжелы. Приведем некоторые из них: *«Дух Святой начал говорить следующие слова: «Вместись же в Меня и успокойся во Мне, после того как Я вместился в тебя и остановился в тебе. Был Я с Апостолами, и видели они Меня очами телесными, но не чувствовали Меня так, как чувствуешь ты» ; «... Говорил мне Бог: «Дочь Мудрости Божественной, храм Возлюбленного, услада Возлюбленного и дочь мира, в тебе покоится вся Троица, вся истина» . «Христос» обращается к ней: «Дочь Моя, сладостная Мне много больше, чем Я тебе, храм возлюбленный Мой, у тебя кольцо любви Моей, получила ты вечно от Меня...»; «И сказали Ангелы душе: «... приготовься принять Того, Кто обручил тебя Себе кольцом Своей любви. И уже свершен брак. Поэтому по-новому хочет Он совершить брак и соединение» .*

По поводу этих состояний Анжелы А. Ф. Лосев пишет в резкой форме: **«Соблазненность и прельщенность плотью приводит к тому, что Дух Святой является блаженной Анжеле и нашептывает ей такие влюбленные речи: «Дочь Моя, сладостная Мне, дочь Моя, храм Мой, дочь Моя, услаждение Мое, люби Меня, ибо очень люблю Я тебя, много больше, чем ты любишь Меня». Святая находится в сладкой истоме, не может найти себе места от любовных томлений. А Возлюбленный все является и является и все больше разжигает ее тело, ее сердце, ее кровь. Крест Христов представляется ей брачным ложем... Что может быть более противоположно византийско-московскому суровому и целомудренному подвижничеству, как не эти постоянные кощунственные заявления: «Душа моя была принята в несотворенный свет и вознесена» — эти страстные взирания на Крест Христов, на раны Христа и на отдельные члены Его тела, это насильственное вызывание кровавых пятен на собственном теле и т. д.? В довершение всего «Христос» обнимает Анжелу рукой, которая пригвождена ко Кресту, а она, вся исходя от томления, муки и счастья, говорит: «Иногда от теснейшего этого объятия кажется душе, что входит она в бок Христов. И ту радость, которую приемлет она там, и озарение рассказать невозможно. Ведь так они велики, что иногда не могла я стоять на ногах, но лежала и отнимался у меня язык... И отнялись у меня язык и члены тела» .**

Тот же самый мистицизм видим и у великих католических святых Катарини Сиенской (XIV в.) и Терезы Авильской (XVI в.), возведенных папой Павлом VI (ум. 1978) в высшее достоинство — учителей Церкви, и у многих других.

Тереза Авильская, например, восклицает перед смертью: *«О, Бог мой, Супруг мой, наконец-то я Тебя увижу» .* Этот в высшей степени странный возглас не случаен. Он — закономерное следствие всего «духовного» подвига Терезы, существо которого открывается хотя бы в следующем факте. После многочисленных своих явлений «Христос» говорит Терезе: *«С этого дня ты*

будешь супругой Моей... Я отныне не только Творец твой, Бог, но и Супруг» . «Господи, или страдать с Тобой, или умереть за Тебя!» — молится Тереза и падает в изнеможении под этими ласками, закатывает глаза... и по всему телу ее пробегает содрогание...» — пишет Д. Мережковский. «Душу зовет Возлюбленный таким пронзительным свистом, что нельзя этого не услышать , — вспоминает Тереза. — Этот зов действует на душу так, что она изнемогает от желания» .

Не случайно американский психолог начала нашего века В. Джемс, оценивая мистический опыт Терезы, писал, что *«ее представления о религии сводились, если можно так выразиться, к бесконечному любовному флирту между поклонником и его божеством» .*

Весьма показателен опыт и еще одного из великих столпов католической мистики — родоначальника Ордена иезуитов Игнатия Лойолы (XVI в.). Его книга *«Духовные упражнения»* прямо призывает к тому, что категорически запрещено вселенским опытом святых — к воображению Бога, распятого Христа, проникновению в мир Его чувств и страданий, представлению Девы Марии, святых и т. д. Это воображение различных картин и сюжетов на основе библейской истории является для медитирующего сущностью всех упражнений, предлагаемых данным руководством.

Вот несколько иллюстраций из этого «руководства» к духовной жизни. Упражняющийся должен *«...представить себе, как Три Божественные Ипостаси взирали на мир, переполненный людьми, и как, видя, что все идут в ад, постановили в Своей вечности, чтобы Второе Лицо вочеловечилось для спасения человеческого рода» .* Рекомендуются *«...вообразить все огромное пространство земли... В отдельности увидеть домик и комнатку Владычицы... в городе Назарете» ,* и *«...воззреть на Пресвятую Деву и Ангела, который Ее приветствует, и размыслить, дабы извлечь какую-нибудь пользу от этого зрелища» .* Далее предлагается *«вслушаться в слова. Слушать, что говорят между собой люди: как клянутся и богохульствуют и т. д. Также послушать, что говорят Лица Пресвятой Троицы: «Сотворим искупление рода человеческого»; наконец, что говорят Ангел и Пресвятая Дева. После чего я подумаю обо всех этих словах, чтобы извлечь из них для себя некий плод» .*

Рекомендуется и такое созерцание:

«Обозреть путь от Назарета до Вифлеема, представляя себе его длину, ширину, ровен ли он был или шел по горам и долинам. Точно так же обозреть место или пещеру Рождества, обширная она была или маленькая, низкая или высокая и как устроена... Видеть участвующих лиц: Святую Деву, Иосифа, служанку и Младенца Иисуса ...» При этом нужно *«вкушать и обонять бесконечную благодать и сладость Божества... Дотрагиваться мысленным прикосновением, например обнимать и целовать те места, на которых эти лица пребывали, всегда стараясь получить от этого какой-нибудь духовный плод» .*

Лойола советует также размышлять *«о двух знаменах: одно — Иисуса Христа — наивысшего Вождя и Господа нашего, другое — Люцифера — смертельного врага человеческого рода» .* Сначала необходимо *«представление*

места; тут видеть огромную поляну в окрестностях Иерусалима, где находится... Иисус Христос; и другое поле в окрестности Вавилона, где предводительствует врагам Люцифер» . «Представить себе на этом огромном поле вавилонском начальника всех врагов как бы сидящим на престоле из пламени и дыма, и сам он страшного, отвратительного вида» . «Заметить, как Христос, Господь наш, стоит на огромном поле в окрестностях Иерусалима, на ровном месте, красивый и благостный» .

Все это принципиально противоречит основам духовного подвига, как он дан в опыте жизни святых Вселенской Церкви, и рассматривается Православной Церковью как тяжелейшая, в силу ее неизлечимости, духовная болезнь.

Вот несколько высказываний тех древних отцов, опыт которых совершенно забыт в Католической Церкви.

Преподобный Нил Синайский (V в.) предупреждает: **«Не желай видеть чувственно Ангелов, или Силы, или Христа, чтоб с ума не сойти, приняв волка за пастыря и поклонившись врагам — демонам» .**

Преподобный Симеон Новый Богослов (XI в.), рассуждая о тех, кто на молитве **«воображает блага небесные, чины Ангелов и обители святых»** , прямо говорит, что **«это есть знак прелести»**. **«На этом пути стоя, прельщаются и те, которые видят свет телесными очами своими, обоняют благовония обонянием своим, слышат гласы ушами своими и подобное» .**

Преподобный Григорий Синаит (XIV в.) пишет: **«Прелесть, говорят, в двух видах является, или, лучше, находит — в виде мечтаний и воздействий, хотя в одной гордости имеет начало свое и причину... Первый образ прелести — от мечтаний. Второй образ... начало свое имеет... в сладострастии, рождающемся от естественного похотения. В этом состоянии прельщенный берется пророчествовать, дает ложные предсказания... бес непотребства, омрачив ум их сладострастным огнем, сводит их с ума, мечтательно представляя им некоторых святых, давая слышать слова их и видеть лица» .**

Подобных высказываний отцов Вселенской Церкви можно привести множество. Все они едины в том, о чем предупреждает уже Апостол Иоанн Богослов:

«Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире»

(1 Ин. 4, 1).

Однако самое серьезное, о чем свидетельствует опыт католических святых, — даже не очевидное заблуждение названных подвижников, а тот глубоко печальный факт, что все они канонизированы Католической Церковью. Здесь, следовательно, мы сталкиваемся уже с ошибкой отдельных лиц, что возможно и в Православии, и где угодно, а с заблуждением всей Римской Церкви в главнейшем для Церкви вопросе — спасении и духовном совершенстве человека. Не случайно поэтому наши подвижники-святители Игнатий (Брянчанинов) и Феофан (Говоров), преподобный Амвросий Оптинский и многие другие столь решительно заявляли о ложности вообще

римо-католической Церкви, прелести ее святых.

Святитель Игнатий писал, например:

«Большая часть подвижников Западной Церкви, провозглашаемых ею за величайших святых, по отпадении ее от Восточной Церкви и по отступлении Святого Духа от нее, молились и достигали видений, разумеется, ложных, упомянутым мной способом... В таком состоянии находился Игнатий Лойола, учредитель иезуитского ордена. У него воображение было так разгорячено и изощрено, что, как сам он утверждал, ему стоило только захотеть и употребить некое напряжение, как являлись перед его взорами, по его желанию, ад или рай... Известно, что истинным святым Божиим видения даруются единственно по благоволению Божию и действием Божиим, а не по воле человека и не по его собственному усилию, — даруются неожиданно, весьма редко... Усиленный подвиг находящихся в прелести обыкновенно стоит рядом с глубоким развратом. Разврат служит оценкой того пламени, которым разжжены прельщенные» .

Святитель указывает и на другие, скрытые от внешнего взора, причины прелестных состояний западных подвижников. Так, он пишет: **«Кровь и нервы приводятся в движение многими страстями: и гневом, и сребролюбием, и сластолюбием, и тщеславием. Последние две чрезвычайно разгорячают кровь в подвижниках, незаконно подвизающихся, соделывают их иступленными фанатиками. Тщеславие стремится преждевременно к духовным состояниям, к которым человек еще не способен по нечистоте своей; за недостижением истины — сочиняет себе мечты. А сладострастие, присоединяя свое действие к действию тщеславия, производит в сердце обольстительные ложные утешения и упоения. Такое состояние есть состояние самообольщения. Все незаконно подвизающиеся находятся в этом состоянии. Оно развивается в них больше или меньше, смотря по тому, сколько они усиливают свои подвиги. Из этого состояния написано западными писателями множество книг» .**

Интересно, что святитель Игнатий, изучавший католическую аскетическую литературу не по переводам, а в латинских подлинниках, указывает и конкретные временные координаты отступления новых католических подвижников от единого опыта святых единой Вселенской Церкви. Он пишет: **«Преподобный Венедикт, святой папа Григорий Двоеслов еще согласны с аскетическими наставниками Востока, но уже Бернард отличается от них резкой чертой; позднейшие уклонились еще более. Они тотчас влекутся и влекут читателей своих к высотам, недоступным для новоначального, заносятся и заносят. Разгоряченная... мечтательность заменяет у них духовное, о котором они не имеют никакого понятия. Эта мечтательность признана ими благодатью» .**

Прелесть, как видим, возникает у тех, которые живут не по святоотеческим началам, а по своим идеям, желаниям и пониманию, и ищущих у Бога не спасения от греха, а благодатных наслаждений, откровений, даров. Их обычно и «получает» в изобилии горе-подвижник в своем разгоряченном воображении и действием темных сил. Прелесть поэтому — не один из возможных и

равноценных вариантов духовности, не особый, свой путь к Богу, но тяжелая болезнь. Не понятая и не оцененная должным образом, она разлагает религии изнутри. И эта страшная болезнь угрожает гибелью, как видим, не только религиям естественным, но и христианству. Оказывается, отход от Церкви: раскол, ересь, самочинное сборище — непременно приводит к тому, что новая «церковь» перестает считаться и с принципами духовной жизни, как они даны в Священном Предании Церкви, в результате чего она в целом теряет представление об истинной святости, принимая за таковую и прославляя откровенные ее искажения, уводя тем самым своих членов на путь прямой гибели. К таким же губительным последствиям приводит и каждого отдельного верующего отступление от «царского пути» духовной жизни, проложенного подвижническими стопами святых.

Особенно часты порывы к высотам у юных подвижников, не познавших еще своего ветхого человека, не освободившихся от страстей, но уже ищущих состояний человека нового, совершенного. Недаром у отцов есть выражение: **«Видишь юного, летящего на небо, стяни его за пяту на землю»**. Причина подобных ошибок все та же; незнание законов духовной жизни, незнание себя. Святитель Игнатий приводит следующие замечательные слова святого Исаака Сирина: **«Если некоторые из отцов написали о том, что есть чистота души, что есть здание ее, что бесстрастие, что видение, то написали не с тем, чтобы мы искали их преждевременно и с ожиданием. Сказано в Писании; «Не придет Царствие Божие приметным образом»**

(Лк. 11, 20). Те, в которых живет ожидание, стяжали гордыню и падение, Искание с ожиданием высоких Божиих даров отвергнуто Церковью Божией. Это — не признак любви к Богу; это — недуг души». Святитель Игнатий заключает эту мысль такими словами:

«Святые отцы Восточной Церкви, особенно пустынножители, когда достигали высоты духовных упражнений, тогда все эти упражнения сливались у них в одно покаяние. Покаяние обымало всю жизнь их, всю деятельность их: оно было последствием зрения греха своего».

В этом видении греха своего, рождающем истинное смирение и покаяние нераскаянно (2 Кор. 7, 10), и заключается единственно надежная, непоколебимая основа всей духовной жизни христианина!